

Всего три страницы прочитал, а уже мои худшие опасения подтвердились. Может ли кто-то магической Британии сделать нечто подобное или нет, я не уверен; но опытный Легилимент способен изменить воспоминания настолько, что может добавить в них свои собственные мысли, эмоции и даже оставить отпечаток индивидуальности в чужом разуме. В книге имелись многочисленные примеры этого. К шестой странице я узнал, почему Министерство запретило эту книгу. Эксперт по Окклюменции может полностью сопротивляться Веритасеруму, бороться с Империиусом, с которым я и так справился, но подозреваю, что только благодаря своей магической силе и упрямству. Окклюменция даже предоставляла ограниченную защиту от дементоров. Это недвусмысленно намекает на то, что если бы Сириус владел Окклюменцией до своего заключения, он был бы более здравомыслящим, чем сейчас.

Короче говоря, Окклюменция была умственной дисциплиной для параноидальных психов, которые верили, что весь мир хочет добраться до их разума, или, по меньшей мере, контролировать их. Моуди, вероятно, скажет, что это никакая не паранойя, если они на самом деле могут добраться до вас. Я был полностью согласен с ним.

В соответствии с заметками Моуди, я взялся за первое упражнение, которое может показать, насколько коварной в действительности является Легилименция. Я достал стопку пергамента и чернила из своего сундука и начал перечислять главные события из своей жизни. По правде говоря, сначала, нужна была информация, которая может быть легкодоступной для любого легилимента, затем на эту основу добавлялись все детали и, используя дедукцию, определялся её порядок. Так как я не собирался просить помощи у Дамблдора в определении тех воспоминаний, которых, подозреваю, в мою память внедрил он, я записал все, что смог. Часто работал в обратном порядке, отталкиваясь от крупных инцидентов. В то же время я пытался определить, какая часть воспоминаний о Гермионе, Роне, или обо мне могла быть широко известна. Не спросив их об этом, я не мог быть уверенным в некоторых вещах. Например, мы уже на втором курсе "догадались", что монстр Слизерина был василиском до того, как это "поняли" учителя, и всё это было очень подозрительно.

Записывая некоторые примечания о времени, проведенном с Дурслями, я понимаю, что у меня до сих пор не было воспоминаний о том, как я открывал дверцу чулана магией, а "левая" еда была ограничена лишь тем, что я мог стянуть с плиты или из мусорки. Но согласно моими по-новому организованными воспоминаниями, в детстве я воровал буханки хлеба, вареные яйца, фрукты, даже шоколад. Когда мне было четыре года, дядя Вернон скрутив мне руку, случайно сломал её. Тогда я разбил все окна в доме. До сегодняшнего дня ничего из этого я не помнил.

Обливиэйт? Я сверился с содержанием и открыл книгу на шестой главе. После просмотра информации по нему, я понял, что в моих воспоминаниях нет пробелов. Расстроенный, я чуть не захлопнул книгу, но в конце главы мне попала на глаза короткая заметка.

Хотя подавление памяти используется очень редко, оно, несомненно, относится к Легилименции, но требует более тонкого воздействия на разум, чем заклинание Обливиэйт. Вместо того, чтобы стирать воспоминания, Подавление убеждает подсознание жертвы, что то или иное воспоминание маловажно, обеспечивая тем самым меньший акцент на данном воспоминании. Со временем, это воспоминание теряет свое влияние на жизнь субъекта. Поскольку Подавление памяти можно преодолеть магической силой субъекта, если он обладает достаточной магической силой и знаниями, оно не пользуется популярностью у легилиментов.

«Маловажно» характеризует мои чувства наиболее точно. Воспоминания и чувства

оставались маловажными, пока они вдруг перестали быть таковыми - похоже на внезапное переключение светофора в моей голове.

Моя рука дрогнула, разбрызгав чернила по простыни.

Дамблдор действительно это сделал.

Но зачем ему понадобилось заставлять меня считать незначительным кражу еды? Кража не была частью моей личности. "Нет, но я украл, чтобы выжить", прошептал я.

Перед Хогвартсом мои детские привычки настолько въелись в меня, что стали неотъемлемой частью моей личности. Украсть яблоко из тележки для ланча, недоеденный сэндвич, выброшенный другим студентом. Карандаш Пирса, упавший на пол, порой таинственно исчезал, прежде чем он успевал спохватиться его. Каждая маленькая ложь, которую я говорил моим учителям и классным товарищам, чтобы они не знали правду о моей жизни в семье Дурслей. Миллионы мелочей, которые в сумме составляли мой психологический портрет, говорили о том, что я был хитрым и изворотливым ребенком, который никогда не упустит своей выгоды. Даже после того, как я поступил в Хогвартс, я отходил от обеденного стола с наполовину забитыми едой карманами, но потом эта изворотливость ушла.

Почему?

Трясущимися руками я отметил изменения в своей личности на отдельном листе пергамента и начал искать другие. По мере того, как я продолжал изучение своей жизни, всё больше и больше вопросов неожиданно всплывало. Я вспомнил, как тетя Петунья заставляла меня следить за беконом, но я думал, что не делал этого, пока мне не исполнилось десять. Теперь я вспомнил себя, стоящего у плиты. Мне, должно быть, было пять, может шесть.

Дуэль с Малфоем в наш первый год в Хогвартсе была почти идентична той, в которую меня втянул Дадли, когда нам было восемь лет. И все это хранилось в тёмной части моей памяти. Если бы я тогда не был одержим дуэлью с Малфоем, и использовал свою голову по прямому назначению, как делал это до Хогвартса, я бы увидел его уловку насквозь.

Начиная дышать глубоко, я погружался обратно в своё сознание. «Хогвартс!» - подумал я про себя.

«Начни с Хогвартса и продвигайся вперед. Сосредоточься на выживании сейчас. Досмотришь события раннего детства позже.» - прошептал я про себя.

Когда я поступил в Хогвартс, Малфой был гриффиндорцем больше, чем я. Итак, почему, два месяца спустя я прыгнул на спину тролля и воткнул свою палочку ему в нос? Гермиона мой друг. Я бы сделал почти всё для неё сейчас, но тогда она была надоедливой маленькой шмакодявкой, а Гарри Поттер не подставлялся ни для кого.

Настоящий Гарри Поттер держался бы в середине группы, которая возвращалась обратно в гостиную, чтобы в случае чего тролль съел бы кого-нибудь другого, не его. В лучшем случае, он сказал бы префекту, что Гермиона пропала, но более вероятно, промолчал бы. Конечно, он смеялся над ней, когда она убежала от них, но тем, кто обидел её, был Рон. Ее смерть была бы на совести Рона, а не Гарри.

Настоящий Гарри Поттер, тот мальчик, которого Вернон запер в чулане на целый месяц после того, как он отпустил боа-констриктора на свободу, с легкостью позволил бы Гермионе умереть в этой туалетной комнате. Я сомневаюсь, что он испытывал бы угрызения совести из-за этого.

Это напугало меня. И потому, что я был немного холодным тогда, и потому, что моя личность изменилась так кардинально всего за одну ночь.

Когда я начал делать упражнения, подозревал, что смогу найти одно или два действия, которые не были бы полностью моими собственными; или прийти к выводу, исходя из неизвестных мне тогда знаний. Например, почему мне вдруг стало интересно, была ли Миртл студенткой, убитой василиском? Она не была единственной студенткой умершей за время учёбы в Хогвартсе, так почему же именно она меня тогда заинтересовала?

Оглядываясь назад, я начинаю подозревать, что она была убита тем василиском еще в январе. За месяц до того, как я нашел информацию о нём. В книге упоминаются «спусковые механизмы». Я задался вопросом, была ли пропаша Джинни в Тайной комнате тем спусковым механизмом? Если да, не значит ли это, что Дамблдор знал о дневнике заранее?

Трясущимися руками я схватил лист пергамента и разорвал его на полоски. Если бы я разорвал всё на маленькие кусочки, возможно, я смог бы обработать информацию полностью и понять ее?

Четыре часа спустя, я прислонился к изголовью кровати и потёр свои глаза. Свет сиял над моей головой. Маленькие груды порванного пергамента замусорили кровать, каждый был крупным событием, спровоцированным Дамблдором, - необъяснимые ощущения, или нарушенные правила. Всё отсортировано по годам. Правила были разделены аккуратно на кусочки «Пойман и наказан», «Пойман, но не наказан», и «Не пойман».

Анализируя мои первые шесть месяцев в Хогвартсе, я был шокирован тем, что мне пришлось натворить и пережить. И не быть выгнанным из школы, хотя я должен был быть исключён много раз, но Дамблдор ... На первом курсе он поймал меня, когда я пялился на зеркало Еиналеж. И это при том, что ночью запрещено находиться вне гостиной родного факультета. По всем правилам он должен был прочитать мне нотацию и дать отработку. Вместо этого, он рассказал мне, что видел себя в зеркале с парой шерстяных носков в руках.

Я почти не знал его, но чувствовал себя с ним как со старым другом. Он говорил со мной как с равным, а не как с сопливым мальчишкой. Он, скорее всего, лгал про носки, но поделился своим "секретом", чтобы нас с ним связывала "общая тайна". А общая тайна, как известно, сближает людей.

Напрягая свою память, я искал подобные инциденты. Плащ. С чего бы ответственному взрослому человеку, да еще и директору школы, давать одиннадцатилетнему мальчишке плащ-невидимку? Да, тот принадлежал моему отцу, но всё же. Это все равно, что подписать разрешение на нарушение комендантского часа. Он еще советовал мне использовать его с умом. Думаете, я мог использовать ее «с умом», в таком-то возрасте?

Чёрта с два! Первое, что я сделал с ним - влез в Запретную секцию. Конечно, защита Запретной секции зарегистрировала моё волшебство, но кто наказал меня? Никто. Разве что Дамблдор вовремя избавился от защиты секции или отмахнулся от мадам Пинс? Я поджал губы, пытаюсь вспомнить её поведение.

Судя по тому, как она посмотрела на меня потом, он прикрыл меня полностью.

Затем, в больнице, после «спасения» Философского камня, Дамблдор шутил со мной о всекусных конфетах со вкусом ушной серы. Этот разговор был почти таким же, как я сам разговаривал с Роном, а не со взрослым человеком.

Вместо того, чтобы выгнать меня из школы за вход в запретную зону, он наградил нас баллами, а Гриффиндор - Кубком года, из-за чего все слизеринцы и рейвенкловцы стали ненавидеть меня.

Я зарычал. Сколько бы я не презирал Снейпа, но в одном он был прав. Дамблдор покровительствует мне до неприличной степени, но почему?

Я повертел эту мысль так и эдак. Взял кучу полос пергамента за весь первый год и просмотрел его. Ответ был прямо передо мной. Я чувствовал что-то, но не понимал что. Пока нет.

Первая полоска содержала только имя: "Хагрид".

Я уставился на пергамент, обведя имя Хагрида кончиком моего пальца. Хагрид есть и, вероятно, всегда будет одним из моих самых дорогих друзей, но я должен быть объективным. Мне нужно вернуться назад в то время, когда он был мне совершенно незнакомым человеком, которым он был тогда. Я должен был смотреть на Хагрида, под таким же углом, как и весь волшебный мир, да еще и в сравнении со своим "статусом" - так называемым «Мальчиком-который-выжил».

Хагрид был садовником. Когда мне было одиннадцать, моя известность соперничала с таковой, как у Дамблдора и, по словам Рона, я был единственным наследником богатой и чистокровной семьи.

Отправить Хагрида за мной в качестве сопровождающего в волшебный мир, - это все равно, что отправить из Итона дворника за принцем Уильямом. Учитывая мою знаменитость, которую я всегда буду презирать, меня должен был ввести в Волшебный мир либо МакГонаголл, либо сам Дамблдор, либо сотрудник Министерства магии. Не то, чтобы я хотел Люциуса Малфоя, в качестве сопровождающего. С другой стороны, вряд ли мистер Малfoy, стал бы кричать моё имя посередине переполненного паба.

Что же совершил Хагрид?

Грызая перо, я вспомнил нашу первую встречу с ним. Пять подозрительных поступков:

1. Пел хвалебные оды Дамблдору.
2. Рассказал мне о моих родителях-гриффиндорцах.
3. Позволил мне увидеть, как он изъял Философский камень из банковской ячейки.
4. Уверял, что все плохие волшебники вышли из Слизерина, несмотря на свою веру в то, что Сириус Блэк, экстраординарный истинный гриффиндорец, предал моих родителей.
5. Сделал мне мой первый подарок на день рождения - Хедвигу.

«Будь осторожен!» - прошептал я про себя. «Конечно, Хагрид самый добрый человек, которого я знаю, но я должен быть объективным».

Хагрид утверждал, что знал меня ребёнком. Возможно это так, но Волдеморт тоже может утверждать, что знал меня. И это, тоже, правда. Сходство с моими родителями было подчеркнуто специально для меня, но только потому, что я никогда не видел ни одной их фотографии. Неожиданность, шок и трепет от открытия Волшебного мира в сочетании с

известием о том, как мои родители умерли на самом деле ... Это было подавляюще.

И его тирады о Слизерине ... Рон вещал подобные вещи в поезде, но Рон был всего лишь ребёнком. Я бы, наверное, проигнорировал его проповедь, если бы уже не слышал то же самое от Хагрида.

Если бы я не встретил Хагрида, мой галстук был бы серебристо-зелёным. Это был бы плохой пиар для фракции Дамблдора.

Мои мысли переключились на Уизли. Миссис Уизли нарушила, по крайней мере, два закона, когда она объявила платформу 9 3/4 на всю станцию. Почему?

Совпадения продолжали накапливаться, но я так и стал ближе к ответу на свои вопросы.

Тогда я вспомнил.

Когда Хагрид рассказывал мне о моих родителях, он сказал, что отвел меня к Дурслям. По приказу Дамблдора.

Как же я упустил это?

Я провёл все эти годы, обвиняя Волдеморта в попадании к Дурслям. Он убил моих родителей, но он не оставлял меня с Дурслями. Дамблдор сделал это.

Смешно. В один момент я думал о Дамблдоре, потом внезапно вспомнил телевизионное шоу, которое тётя Петунья записала на плёнку и заставляла Дадли смотреть это часами. Прошлым летом, учитель Дадли в пятом классе был осуждён за то, что приставал сексуально к одному из своих учеников. Местные телеканалы отодвинули дорожные происшествия и грабежи в сторону, в пользу этой новости, убеждая родителей научить своих детей распознавать хищников. Дядя Вернон впивался взглядом в меня всякий раз, когда смотрел эти новости, словно предвкушая, что я стану одной из этих жертв.

Голос психолога гудел в моей голове.

"Дети, которые приходят из жестоких, неполных или распавшихся семей, как правило, более уязвимы к охотникам на детей, чем дети выросшие в стабильных условиях. На стадии планирования, некоторые хищники сознательно ищут уязвимых детей, поскольку им, как правило, катастрофически не хватает ласки и внимания, делая их более восприимчивыми к позитивному подкреплению, которое используется в процессе совращения".

Знал ли Дамблдор, как Дурсли обращались со мной? Я не был уверен. Я сталкивался с волшебниками до посещения Хогвартса. Любой из них, возможно, мог бы рассказать ему о том, как мне живется у Дурслей. Перед первым годом обучения, когда Хагрид впервые встретил Дурслей, он наговорил дяде Вернону много гадостей. Судя по его словам, вполне вероятно, что Хагрид знал, как они обращались со мной.

Потом, в конце первого курса, когда я попросил остаться на лето в Хогвартсе, Дамблдор отказал мне, отправив обратно к Дурслям.

Я был уверен, что близнецы рассказали своим родителям о железных решетках на моём окне. Я отчетливо вспомнил себе ту фразу: "они морили его голодом".

Даже, если Хагрид ничего не говорил директору, Уизли, вероятно, сделали это.

Дамблдор знал.

Он должен был принять меры, но он хотел, чтобы я был несчастным ребенком, которому оказывают милость, отправляя каждое 1 сентября в спасительный Хогвартс.

Вдобавок, я слышал, как школьная медсестра говорила тётё Петунии, за несколько недель до выпуска младшеклассников в моей старой школе, что мой рост соответствует 4%-ой группе самых низкорослых детей моего возраста.

Что касается массы моего тела, она колеблется где-то между 5 и 15 процентами самых тощих детей, в зависимости от наказания. Регулярное пребывание в больничном крыле Хогвартса, в том числе на первом курсе, когда моя точная диагностика указала на хроническое недоедание, должно было вызвать тревогу учителей Хогвартса и попечительского совета. Медсестра в графстве Суррей, как-то, пыталась уговорить тётю Петунию - которая поклялась, что я съедаю в два раза больше еды, в сравнении с Дадли - сводить меня к диетологу и вносить дополнительные добавки в пищу, отпускаемых по рецепту врача. По сравнению с ней, Поппи Помфри, наверное, самая некомпетентная медсестра в мире, раз так халатно относится к моему физическому состоянию.

Холодок пробежал по моей спине.

Медсестра из Суррея говорила что-то ещё. Она утверждала, что я веду себя слишком робко, почти покорно, в классе и во время перерывов. Она доказывала тётё Петунии, что покорное поведение является симптомом недостаточности питания. Как это заявление взволновало мою тётю, даже не передать словами. Медсестра продолжала рассказывать, как я убежал от Дадли и других детей, которые были в банде Дадли на детской площадке и каким необычайно тихим был во время занятий.

<http://tl.rulate.ru/book/26113/543073>